

— Скучал! — не задумываясь, кивнул Лу Фань, затем вырвался из объятий Се Чэньцзе, подхватил со стола тетрадь для упражнений и, словно драгоценность, подал её Се Чэньцзе. — Старший брат, смотри, я тренировался писать то, чему ты меня научил, я не ленился!

В тетради строчка за строчкой были написаны простые иероглифы. Детский почерк по сравнению с начальным периодом обучения уже значительно улучшился. Видя полный ожидания взгляд ребёнка, Се Чэньцзе наклонился и поцеловал мальчика в щёку, похвалив:

— Фань-фань такой умный!

После этого ребёнок обрадовался и, глядя на Се Чэньцзе, захихикал.

Се Чэньцзе и Лу Фань ещё немного порезвились, прежде чем пойти мыться. Первым помылся сам Се Чэньцзе, затем поменял Лу Фаня, и после душа они снова прилипли друг к другу, чтобы постирать одежду.

В доме Се была стиральная машина, обычно грязную одежду просто скидывали в неё и поручали дело домашней помощнице, тёте Ли. Только когда Се Чэньцзе был с Лу Фанем, он стирал одежду вручную. Назови это забавой или привычкой, но ему просто нравилось ощущение, когда они что-то делали вместе.

Увлёкшись игрой с Лу Фанем, Се Чэньцзе совершенно забыл о Бай Мэнцин, скучавшей в гостиной перед телевизором. К тому времени, когда они спустились вниз, уже собирались подавать ужин.

За столом, кроме уже сидевших супругов Се Вэньчжи и Цзэн Циньфэнь, а также Бай Мэнцин, был и только что вернувшийся из-за границы старый господин Се. Бай Мэнцин была в розовом платье, которое очень шло её чистой и милой натуре. В этот момент она, улыбаясь и смеясь, отвечала на вопросы старших семьи Се. Её непринуждённые и изящные манеры привели старого господина Се в полный восторг.

Видя эту сцену, Се Чэньцзе мысленно фыркнул: совсем зазналась!

Решение Се Чэньцзе добиваться Бай Мэнцин изначально было продиктовано не настоящей симпатией, а тем, что во всей школе никто не мог её заполучить. Мужское тщеславие не обошло и Се Чэньцзе: он считал, что заполучить Бай Мэнцин — дело, повышающее престиж.

Добившись своего и пообщавшись, это тщеславие полностью испарилось. Бай Мэнцин была ребёнком, выросшим в семье среднего достатка, с налётом капризов избалованной барышни. В общении с ней постоянно приходилось уступать. Например, сегодня, когда они вышли, она, пользуясь его симпатией к ней, высокомерно командовала им. Это чувство было совершенно иным по сравнению с тем, что он испытывал с Лу Фанем: первое раздражало, а второе приносило умиротворение.

Возможно, ему стоит найти время, чтобы поговорить с Бай Мэнцин о расставании.

Ужин прошёл в тёплой и радостной атмосфере, и гости, и хозяйка остались довольны.

Се Чэньцзе предложил, чтобы водитель отвёз Бай Мэнцин домой. После того как та неохотно уехала, он взял Лу Фаня за руку и вышел из дома. Возможно, из-за присутствия в доме посторонних, ребёнок за ужином не разошёлся, поэтому Се Чэньцзе решил вывести его перекусить.

Выйдя из жилого комплекса, они попали к большому торговому центру. Рядом с ним был ночной рынок, где продавали одежду, аксессуары, игрушки и тому подобные мелочи, а также разнообразные закуски. Сам Се Чэньцзе там никогда не был, но однажды, проходя мимо с Лу Фанем, он заметил, как у того потекли слюнки при виде того места, и запомнил это.

Попав на улицу с закусками, глазам Лу Фаня, казалось, стало тесно: он смотрел то туда, то сюда, слюнки текли ручьём, выглядел он чрезвычайно мило.

Се Чэньцзе нарочно дразнил его, держа за маленькую руку, прошёл от начала улицы до конца, не собираясь останавливаться. Это заставляло ребёнка оглядываться через каждые три шага, его личико сморщилось, вызывая жалость.

— Ладно, ладно, не буду тебя дразнить, старший брат купит тебе вкусняшек! — увидев готовое заплакать лицо ребёнка, Се Чэньцзе наконец-то смиловился над Лу Фанем и повёл его к ларьку, где жарили кальмаров на железной плите, купив две штуки.

Лицо Лу Фаня расплылось в улыбке. Он протянул одну штуку Се Чэньцзе, а затем принялся с удовольствием есть свою.

Проходя мимо ларька, где кидали кольца, Се Чэньцзе заметил фарфоровую куклу в виде ребёнка. Не почему-то ещё, а потому что её глуповатая улыбка была очень похожа на выражение лица Лу Фаня, когда он радовался. Он захотел сделать её своей.

Однако эта игра с бросанием колец кажется простой, но знающие люди понимают, что это ловушка: диаметр предметов обычно чуть больше диаметра колец, так что поймать предмет почти невозможно.

Но Се Чэньцзе загорелся азартом. Он не верил, что у него не получится. Поэтому он покупал наборы колец один за другим, но всё равно не мог набросить кольцо. В конце концов продавец, не выдержав, пока тот не видел, доброжелательно поменял ему набор на другой, с кольцами чуть большего диаметра, и только тогда Се Чэньцзе сумел набросить кольцо на ту фарфоровую куклу.

Получив желанную фарфоровую куклу, на лице Се Чэньцзе впервые появилась довольная улыбка. Но когда он захотел поделиться своей радостью с Лу Фанем, то обнаружил, что место, где стоял Лу Фань, пусто. Оглядевшись, он нигде не увидел фигурки ребёнка!

Сердце Се Чэньцзе упало. Лу Фань всегда был очень послушным и дисциплинированным ребёнком, он не ушёл бы сам, если только...

Тревога охватила его сердце, Се Чэньцзе начал бояться. Он был ужасен, как мог он так увлечься игрой, что забыл о четырёхлетнем Лу Фане? На ночном рынке толпы и суматоха, если, если его украли торговцы людьми, то тогда он...

Се Чэньцзе в раскаянии и самообвинениях предавался беспорядочным мыслям, чем больше думал, тем больше боялся. И когда он уже почти отчаялся найти его, впереди внезапно раздался голос продавца, ругающего ребёнка:

— Нет больше, совсем нет! Давай, уходи, ищи своего брата! Хочешь есть — пусть брат придёт с деньгами и купит! — для Се Чэньцзе этот звук был подобен небесной музыке.

Он раздвинул толпу и пробился в центр. Да, это был Лу Фань! Его толкнул тот продавец, и он упал на землю. Его маленькое лицо покраснело, он был в полном замешательстве.

Увидев, что Лу Фань упал, Се Чэньцзе, не говоря ни слова, шагнул вперёд и ударил продавца кулаком. Тот тоже был не промах, и в последовавшей потасовке Се Чэньцзе не получил никакого преимущества.

Лу Фань был ошеломлён действиями Се Чэньцзе, ударившего человека. Через некоторое время он, дрожа, поднялся и побежал в сторону двоих, сцепившихся в драке, пытаясь разнять их. Но как мог маленький Лу Фань разнять дерущихся Се Чэньцзе и продавца? Едва приблизившись, он был случайно задет продавцом и снова упал на землю. Боль заставила слёзы навернуться на глаза Лу Фаня, но он изо всех сил сдерживался, чтобы не заплакать.

К этому времени вокруг уже собралось немало людей. Знакомые того продавца тоже опомнились и бросились разнимать дерущихся. Ошалевшие от драки Се Чэньцзе и продавец были растащены в стороны. Увидев это, Лу Фань изо всех сил поднялся, пошатываясь, подбежал и обхватил ногу Се Чэньцзе.

— Старший брат! — громко взвизгнул Лу Фань. Если прислушаться, можно было различить неконтролируемую дрожь в его голосе. Он боялся, боялся Се Чэньцзе, который в драке с другими становился свирепым и страшным.

Се Чэньцзе мгновенно замер. Затем он присел на корточки и крепко обнял плачущего ребёнка, обхватившего его. Лишь когда знакомое нежное чувство постепенно успокоило его встревоженное сердце, Се Чэньцзе отпустил Лу Фаня и принялся осматривать его сверху донизу, спереди и сзади.

— Ты не поранился? Не больно? А?

Лу Фань, со слезами на глазах, покачал головой. Его пухленькая ручка коснулась синеватого распухшего уголка рта Се Чэньцзе.

— Старший брат, кровь.

Возле Се Чэньцзе и Лу Фаня царил тёплая атмосфера, а у продавца на душе было тоскливо и зло. В кого он сегодня такой несчастный угодил? Сначала этот маленький оборвыш, одетый как нищий, стоит тут, печально смотрит и мешает ему вести бизнес. Потом откуда ни возьмись появляется этот юнец и безмолвно начинает бить его ногами и кулаками. И эти травмы по всему телу, ай-яй...

Чем больше он думал, тем больше чувствовал себя обделённым. Продавец решил получить компенсацию от того юноши. Однако, судя по одежде парня, было ясно, что он не из простой семьи. Мстить, конечно, не стоило, но потребовать компенсацию за лечение было вполне возможно, ведь первым начал тот.

В тот момент, когда продавец изо всех сил ломал голову, как бы попросить деньги, не потеряв при этом лицо, Се Чэньцзе с Лу Фанем на руках подошёл к нему. Он очень искренне извинился:

— Прошу прощения. Я так переволновался, ища Фань-фаня, что ошибся в суждениях. Сегодняшние убытки я вам возмещу, надеюсь, вы простите мою импульсивность, вызванную заботой о брате.